

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.256-283

АПОКАЛИПСИС XIII В.: ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ РУССКИХ С МОНГОЛАМИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СРЕДНЕВЕКОВОГО МИРОПОНИМАНИЯ

Ф.Н. Веселов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
f.veselov@spbu.ru*

Цель исследования: в мировой науке уже высказывалась мысль о том, что эсхатологическое впечатление русских книжников о монголах, зафиксированное в Повести о битве на р. Калке, спустя некоторое время, посредством отчета доминиканца Юлиана и свидетельства архиепископа Петра на Лионском соборе 1245 г., повлияло на апокалиптический характер восприятия Великого Западного похода в латинской Европе. Однако, что побудило русских обратиться к грозным эсхатологическим апокрифам, до сих пор остается неисследованным. Решению этого вопроса посвящено данное исследование.

Материалы исследования: в исследовании был учтен широкий спектр опубликованных оригинальных и переводных источников XIII–XIV вв. на русском, латинском, французском, арабском, персидском, сирийском и армянском языках, а также мнения ученых, выраженные в исследовательской литературе по близким вопросам.

Результаты и научная новизна: обращение русских летописцев к эсхатологическим апокрифам крайне редко: до Повести о битве на Калке хронист обращается к апокрифу Псевдо-Мefeldия лишь раз, в летописной статье о разграблении Киевских монастырей половцами в 1096 г. Сопоставление этих сообщений, исторических предпосылок описываемых событий, свидетельств литературных памятников, отчетов о путешествиях, сообщений хроник и отразившихся в них памятников дипломатии показывает, что русский книжник брал на себя ответственность привести сравнение с Последними временами, только когда целый комплекс причин складывался в мозаику, не оставлявшую иного объяснения происходящего. Важнейшую роль, при этом, в Повести о сражении на Калке сыграла не столько горечь поражения в степной битве, потеря многих князей и «воинов бещисла», разорение приднепровского Новгорода Святополчича, сколько дипломатическая риторика, которую несли с собой монгольские завоеватели «от моря до моря», полководцы хана, народ которого ишел из глубин Азии для того, чтобы владеть всем миром.

Ключевые слова: Битва на Калке, монголы, половцы, монгольские завоевания, Псевдо-Мefeldий, христианские апокрифы, Гог и Магог, эсхатология, Стена Александра Македонского, Роман об Александре Македонском

Для цитирования: Веселов Ф.Н. Апокалипсис XIII в.: первое столкновение русских с монголами сквозь призму средневекового миропонимания // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 256–283. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.256-283

Благодарности: Статья написана при поддержке гранта Российского Научного фонда № 21-18-00166 «Отложенный план завоевания мира: монголы и Запад, 1219–1260 (Русь, Центральная Европа, Ближний Восток)».

**APOCALYPSE OF THE THIRTEENTH CENTURY:
THE FIRST RUSSIAN ENCOUNTER WITH THE MONGOLS
THROUGH THE PRISM OF THE MEDIEVAL MIND**

F.N. Veselov

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
f.veselov@spbu.ru*

Abstract: *Research objective:* The idea has already been expressed that the eschatological image of the Mongols of Russian annalists, recorded in the Tale of the Battle on the Kalka River of 1223, after some time, through the reports of Dominican Julian and testimony of Archbishop Peter at the Council of Lyons in 1245, influenced the apocalyptic character of the Mongols' Great Western Campaign in Latin Europe. However, it remains unstudied why the Russians turned to the terrifying eschatological apocrypha. In the presented study we are going to deal with this question.

Research materials: The research is based on a wide range of published original and translated sources of the thirteenth–fourteenth centuries, written in Russian, Latin, French, Arabic, Persian, Syriac and Armenian, as well as the opinions of scholars expressed in literature on related fields.

Results and the novelty of research: The appeal of Russian chroniclers to eschatological apocrypha is extremely rare. Before the Tale of the Battle on Kalka, the chronicler refers to the Revelations of Pseudo-Methodius only once, in a chronicle entry about the plundering of Kiev monasteries by the Cumans in 1096. Comparison of these messages, the historical background of the described events, evidence of literary texts, travel reports, chronicles and diplomatic material shows that the Russian writers took upon themselves the responsibility to make a comparison with the Last Times only when a complex of causes formed such a mosaic that it left no other explanation. At the same time, the most important role in the eschatological character of the Tale of the Battle on Kalka was not only caused by the bitterness of the defeat, the demise of many princes and warriors and the desolation of Novgorod Svyatopolchich, but also by the diplomatic rhetoric carried by the Mongol conquerors “from sea to sea”, the warlords of the khan and the people who came from the deep depths of Inner Asia to rule the whole world.

Keywords: Battle on the Kalka River, Mongols, Cumans, Mongol campaigns, Pseudo-Methodius, Christian apocrypha, Gog and Magog, Eschatology, Alexander's Gates, Alexander Romance

For citation: Veselov F.N. Apocalypse of the Thirteenth Century: the First Russian Encounter with the Mongols through the Prism of the Medieval Mind. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 256–283. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.256-283 (In Russian)

Acknowledgements: The research is supported by the Russian Scientific foundation Nr. 21-18-00166 “Postponed World Conquest: The Mongols and the West, 1219–1260 (Rus', Central Europe, Middle East)”.

Введение

«Того же лѣта Явишась языци ихже никтоже добръ ясно не вѣсть кто суть <...> ини глаголють, яко се суть о нихже Мефодий Патомьский епископъ свидѣтельствует, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскы суще между востоком и севером. Тако бо Мефодий рече, яко къ скончанью времянь явитися тем, яже загна Гедѣонъ...» [27, стб. 445–446]. Так в Лаврентьевской летописи начинается повествование о трагической для русских князей степной битве на р. Калке – первом столкновении русских с монголами, дальнейшие отношения с которыми навсегда изменят историю Древней Руси. Прошло пятнадцать лет и в завершающих строках «Письма [об образе] жизни Татар» доминиканского проповедника Юлиана повторяется ровно та же теория о том, откуда появились монголы. Монах указывает, что «один русский клирик, переписавший нам кое-что из истории “Книги Судей”; говорил, что тартары – это мадианиты, которые напали на детей Израиля в союзе с амаликитянами и были побеждены Гедѣоном, как говорится в “Книге Судей”. Бежав оттуда, упомянутые мадианиты обитали около одной реки по имени Тартар, отчего и зовутся тартарами» [36, с. 382, 390].

Этот отчет доминиканца получил достаточное распространение в Европе¹. Более того, кроме свидетельств безвестных русских клириков, которые дошли в составе Юлианова Письма, из сообщений Матфея Парижского, Анналов Бёртонского аббатства, сведения которых повторяются в рукописях из Кембриджа, Копенгагена и Линца [70; 76, р. 18–19], мы располагаем сведениями о ещё одном, русском по происхождению, источнике информации о монголах. Это выступление некоего архиепископа Петра на Лионском соборе 1245 г. [22, с. 124–125, 151–153]. При том то, что сообщил «Петр архиепископ Рутенский»², как и «русские клирики» Юлианова отчета, с очевидностью повторяло мрачные подробности эсхатологических предсказаний «Откровения» Мефодия Патарского (далее – Откровение), того самого, на которое ссылается русский летописец.

Откровение – это апокрифическое произведение, описывающего мировую историю от акта Сотворения мира и до Конца времен. Название довольно условно, оно приписывалось традицией епископу города Патара в Ликии Мефодию, умершему в начале IV в. Но уже к началу XVIII в. возникли сомнения в подлинности такой атрибуции. Согласно принятой сегодня точке

¹ Библиография: [36, с. 373]; периодизация восприятия монголов в Европе XIII столетия и перечисление отсылок к Священному писанию в источниках см.: [85]. Автор последнего труда предлагает довольно интересную идею, состоящую в том, что формирование апокалиптического образа монголов в Западной Европе носило, отчасти, политический характер, и своей целью имело объединить христиан для совместного крестового похода против захватчиков. Впрочем, развернутой аргументации для такого суждения в статье не представлено.

² Основные теории о личности Петра см.: [34, с. 257–283; 25, с. 298–299; 82, р. 67, note 10; 92, р. 404; 31, с. 45–53; 57, с. 186–187; 88, р. 375]. Сравнительно недавно А. Руотсала нашел весьма любопытную сокращенную редакцию Бёртонских анналов в Ученой библиотеке Линца (Австрия), где Петр представлен как архиепископ Белгородский ("archiepiscopus de Belgrab in Ruscia"): [84, р. 153–155]. Версия о том, что Петр был Белградским архипастырем была поддержана и некоторыми другими учеными: [86, с. 100–113; 75, р. 20–39].

зрения, эсхатологический апокриф появился в Северной Месопотамии или Восточной Сирии в среде несториан или мелькитов во второй половине VII в. под влиянием масштабных арабских завоеваний на Ближнем востоке³. Весьма скоро был сделан перевод Откровения на греческий язык, известный, по крайней мере, в четырех редакциях [14], и послуживший не только основой для переводов на латинский (древнейшие списки которого датируются VIII в.) и славянский языки, но и для целой ветви византийской литературной апокалиптической традиции.

Нет сомнений в том, что русские сведения о монголах, как о предвестниках Конца времен, оказали влияние на восприятие последних в западной Европе, еще недавно, с надеждой смотревшей на восток: крестоносцы на Святой земле внимали сообщениям о поражениях сарацин от неизвестного врага, усматривая в этом движение армий легендарного Давида, христианского царя Индий. Но по прошествии незначительного времени, сведения архиепископа Петра, о котором рассказывает Матфей, и «сведущих людей», на которых ссылается Юлиан и анналы монастыря св. Медарда Суассонского [92, р. 522], расходятся по Европе. Русские дают точную отсылку к Откровению, сообщая об изгнанных Гедеоном племенах, измаильтянах или мадианитянах св. Мефодия. Их нашествие – первое из череды грядущих бедствий в преддверии Конца времен. И именно так описывают монголов, кроме упомянутых источников, анналы монастыря в Тьюксберри [93, р. 468], Хроника Балдуина Брабантского [65, р. 543], Пространные анналы церкви в Шефтларне на Изаре [71, р. 341], «Деяния трирцев» [91, р. 522].

Идея о том, что русские сведения повлияли в определенный момент на представление о Великом Западном походе не нова и представляется вполне разработанной [66, р. 41; 68, р. 147–148; 48, р. 22; 36, р. 373; 55, р. 48–49; 17, с. 20–25; 90, р. 404–406]. В нашей же статье мы постараемся дать ответ на следующий вопрос: почему русские книжники уверовали в то, что монголы – грозные предтечи апокалипсиса?

«Повесть о битве на Калке» в русских летописях

Прежде всего необходимо определить время возникновения «Повести о битве на Калке» (далее – Повесть). Ученые сходятся во мнении, что первоначальный текст произведения находит отражение в трех древнейших русских летописях: Лаврентьевской [27, стб. 445–447], Ипатьевской [28, стб. 740–745] и Новгородской Первой летописи Старшего извода [24, с. 61–63]⁴. Ниже, в таблице, приводится начало и окончание текстов Повести:

³ Историография: [78, р. 216–218].

⁴ Историография: [3; 38, с. 59–61, 315; 30, с. 20–49]. Дж. Феннел [59, р. 18–31; 58, р. 90–94] добавляет к указанным трем четвертый источник – Повесть в составе Софийской Первой летописи, однако большинство ученых указывают именно на краткий текст Повести, как на первоначальный; пространная же редакция Повести, включенная в Софийскую Первую и Воскресенские летописи – более поздняя, компилятивная. См.: [11, с. 95, Прим. 1].

Лаврентьевская летопись	Новгородская Первая летопись Старшего извода	Ипатьевская летопись
<p>Того же лѣта⁵ Явишася языци ихже никтоже добрѣ ясно не вѣсть кто суть и отколѣ изидоша. и что языкъ ихъ. и которого племени суть. и что вѣра их. и зовут я Татары. а инии глаголють Таумены. а друзии Печенѣзи. инии глаголють, яко се суть о нихже Мефодий Патомьскый епископъ свидетельствует, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскы суще межю востоком и сѣвером. тако бо Мефодий рече, яко къ скончанью времянь явитися тем, яже загна Гедеонъ и поплѣнят всю землю. от востока до Ефранта и от Тигръ до Понетьскага моря, кромѣ Ефиопья. Богъ же единъ вѣсть ихъ кто суть и отколѣ изидоша. Премудрии мужи ведять я. Добрѣ кто книги разумно умѣеть, мы же ихъ не вѣмы кто суть, но сдѣ вписахом о них памяти ради. <...></p> <p>Се же ся зло склучи месяца мая въ 30 на память святаго мученика Еремиа. Се же слышавъ Василко, приключшееся в Руси, възвратися от Чернигова сохраненъ Богомъ и силою Креста Честнаго и молитвою отца Костянтина и стрья своего Георгия, и вниде в свой Ростовъ слава Бога и святую Богородицу.</p>	<p>Том же лѣтѣ, по грѣхом нашимъ, придоша языци незнаеми, их же добрѣ никто же не вѣсть, кто суть и отколе изидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра их; а зовут я Татары, а инии глаголють Таурмены, а друзии Печенѣзи; инии же глаголють, яко се суть, о них же Мефодий, Патомьскый епископъ, съвѣдѣтельствуеть, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскыя, суще межю вѣстокомъ и сѣверомъ. Тако бо Мефодий глаголетъ, яко скончанию врѣмень явитися тѣмъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю от вѣстокъ до Ефранта и от Тигръ до Поньскаго моря, кромѣ Ефиопия. Богъ единъ вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша, прѣмудрии же мужи вѣдять я добрѣ, кто книги разумѣеть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть; <...></p> <p>Си же злоба сътворися мѣсяця мая въ 31, на святаго Ерѣмья. Татары же възратишася от рѣкы Днѣпра; и не съвѣдаемъ, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять: Богъ вѣсть отколе приде на нас за грѣхы наша.</p>	<p>В лето 6732. Приде неслыханая рать. безбожнии Моавитяне, рекомыи Татарѣве, придоша на землю Половецкую. <...></p> <p>[Бог] обрати и воспать на землю восточную, и воеваша землю Таногушту и на ины странны. Тогда же и Ченогизъ кано ихъ Тонагуты убиень бысть. Их же прельстивше и послѣди же лъстию погубиша. ины же страны ратми наипаче лъстью погубиша.</p>

Подробный пересказ событий и довольно точная хронология похода привели ряд ученых к выводу о том, что Повесть, основанная на свидетельствах «самовидцев», появилась весьма скоро после того, как произошла битва, и, вероятно, на территории Южной Руси [3, с. 346; 7, с. 14; 33, с. 164–166, 195; 30, с. 24–25]. Впрочем, возникает уточняющий вопрос: когда и где этот пере-

⁵ Здесь и далее слова под титлами раскрываются целиком.

сказ был впервые записан? Вслед за А.В. Эммаусским [41] Д.С. Лихачев возводит Повесть к Летописцу Переяславля Южного, откуда она была включена во Владимирский великокняжеский свод 1228 г., что, таким образом, становится *terminus ante quem* произведения (*terminus post quem* – дата описываемого события – 1223 г.) [20, с. 19–20, 22–23]. В.Н. Рудаков, анализируя известие в Лаврентьевской летописи о счастливой судьбе Василько Константиновича, не успевшего присоединиться к русско-половецким силам и принять участие в битве, указывает, что *terminus ante quem* должен быть год смерти князя от рук монголов – 1237. После этого не приходилось говорить о его счастливом избавлении [30, с. 23–24]. А.А. Гиппиус предлагает считать верхней границей включение Повести в Новгородский владычный свод 1228 г. [7, с. 15] (или более ранний – 1225 г. [10, с. 124]), год, когда ушел от дел архиепископ Антоний, весьма близкий человек к князю Мстиславу Мстиславовичу Удалому. К князю, в ряде статей, летопись сохраняет сочувственное отношение на протяжении 1219–1224 гг. [1, с. 107–109]. П.П. Толочко, возражая, указывает на два этапа работы над Новгородским владычным сводом начала XIII в.: 1211–1219 гг. и рубеж 1230–1240-х гг. [33, с. 186–188, 190–195]. Таким образом, с его точки зрения, Повесть могла быть включена только на последнем этапе. Тем не менее, саму Повесть, учитывая наличие в ней цитат из Откровения, объясняющих с какой угрозой пришлось столкнуться русским князьям, ибо «не вемы кто суть», он датирует периодом до нашествия татар на русские земли: «уже через 13 лет никаких сомнений в том, кем был этот народ и какой он веры, у русских людей не осталось» [33, с. 167].

Особенно важным для целей нашей работы является вопрос времени включения в Повесть пространной цитаты из Откровения. И.У. Будовниц, в отличие от П.П. Толочко, считает, что подобное цитирование было возможно только после Батыева похода, когда русские княжества познали сокрушительную мощь монгольской военной машины, что и побудило позднейшего летописца включить эту цитату [2, с. 296–297]. Аргументированное возражение против этой гипотезы приводится в трудах В.Н. Рудакова [30, с. 23]. Косвенно, замечание П.П. Толочко, о том, что не было смысла включать цитату из Откровения после нашествия, подтверждает и тот факт, что выдержка из Псевдо-Мефодия изъята из текста Повести в составе Ипатьевской летописи. Рассказ в нее был включен уже после Великого Западного похода, в середине – второй половине XIII в.⁶, когда монгольская инвазия в страны восточной и южной Европы уже прекратилась и летописец, как и его современники, обладал информацией о происхождении и религии захватчиков, а также их действиях после сражения на р. Калке⁷.

На сходство начального текста статей Новгородской Первой и Лаврентьевской летописей о битве на Калке (в отличие от Ипатьевской) уже давно было обращено внимание. Текст совпадает почти дословно, а допущенные одинаковые топонимические ошибки, «Патомский» вместо «Патарьский», «Етриевская» вместо «Еф(т)ривьская», повторяя сходные ошибки славянских перево-

⁶ См.: [35, с. 268–269]. В.Т. Пашуто относит включение Повести о битве на Калке в период составления Княжеского свода Даниила Романовича 1246 г. [25, с. 32–33]. Обзор литературы см.: [72, р. 24–30].

⁷ Это может быть не только свидетельством редакторской правки, но и иного происхождения источника, который не имеет отношения к Откровению.

дов Откровения [14, с. 93], говорят о едином источнике для обоих летописных текстов. Впрочем, стоит также обратить внимание и на отличия ряда чтений. Именно в Новгородской летописи указывается точная дата битвы и отмечается, что составителю неизвестно не только откуда пришли «татары», но и куда они исчезли. Между тем в Лаврентьевской допущена ошибка в день: на 31 мая, а не на 30, приходится день памяти Св. муч. Ермия (греч. Ерμείας), а окончание изменено на сообщение о Васильке, что, в свою очередь, объясняется позднейшей правкой Ростовского редактора. Кроме того Новгородская летопись точнее в некоторых более мелких чтениях: в частности, «Таурмени» вместо «Таурмения» (по отношению к монголам в эпизоде завоевания половцев). Из этого можно заключить, что древнейший вариант Повести, фиксирующий ее в виде, близком к тому, в котором она появилась вскоре после событий 1223 г. (но до получения дополнительных сведений о монголах второй пол. 1230-х гг.), сохранился именно в Новгородской летописи.

Итак, Новгородская летопись наиболее точно передает Повесть, появившуюся вскоре после битвы на р. Калке. Составитель Повести недоумевает, откуда появились и куда исчезли те «языци незнаеми», «их же добръ никто же не вѣсть, кто суть», которые в наказание Божие разгромили в жестокой сече объединенное войско русских князей и половцев. Однако безвестный хронист указывает, что «прѣмудрии же мужи вѣдятъ», что о них «Мефодий, Патомьскый епископъ, сѣвѣдѣтельствоуетъ», что «ишли ис пустыня Етриевьскыя» ко «скончанию врѣмень».

Впрочем, битва на р. Калке была не первым эпизодом в истории Киевской Руси, заставившем летописца обратиться к апокрифическим пророчествам Откровения. Под 1096 г. «Повесть временных лет» описывает набег половецких войск на окрестности Киева: были осквернены и сожжены три монастыря, в том числе, знаменитый Печерский. Хронист именуется половцев не иначе как «безбожнии сынове Измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ», которые «Ищли бо суть си от пустыня Етриевьскыя межю востокомъ и сѣвером <...> Мефодий же сѣвѣдѣтельствоуетъ о нихъ...» [26, с. 98]. С нашей точки зрения полезную информацию может дать сравнение этих исторических эпизодов, заставивших обратиться к грозному апокрифу.

Первое обращение к Псевдо-Мефодию в русских летописях

Упомянутая статья 1096 г. входит в пласт известий, обозначенных А.А. Гиппиусом как Печерская летопись, продолжившая «Начальный свод» 1091 г., доведенная до 1115 г. и переписанная при Владимире Мономахе игуменом Вудебецкого монастыря Сильвестром⁸. Именно приведенные цитаты из «Повести временных лет» позволяют не только датировать появление на Руси Откровения, но и установить нижнюю границу всей славянской литературной истории этого переводного памятника [3, с. 83–285]⁹. И хотя древнейший список одного из двух независимых славянских переводов, созданных в Болгарии, Хиландарский, датируется лишь XII–XIII вв., анализ особен-

⁸ За исключением рассказа Гюряты Роговича, который относится автором к Северной группе известий, привнесенной в редакцию 1117 г. [8, с. 39–43; 9, с. 3].

⁹ С. Кросс, полемизируя с В.М. Истриным на тему существования собственно русского перевода Откровения, тем не менее, не отрицает наличия у русских книжников в конце XI в. славянского болгарского перевода [52, р. 337–339; 15, с. 380–382].

ностей его языка также указывает на тот факт, что текст скопирован с произведения появившегося ранее датировки кодекса [14, с. 145–147; 52, р. 338].

Красочно описанное хронистом нашествие Боняка и Тугоркана в 1096 г. – далеко не единственный набег половцев на Киев. Первое же сокрушительное поражение объединенные силы русских князей потерпели почти за три десятилетия до этого, в битве на р. Альте. Разгром русских степняками побудил составителя «Повести временных лет», вслед за весьма кратким сообщением о поражении, вставить довольно длинную нотацию, осуждающую грехи, за которые на русские княжества «Бог попустил поганых», приводя цитаты из книг Захарии (1:2) и Иоилия (2:12), и толкования на них [26, с. 73–74]. Подобные формулировки встречаются и далее при рассказах о княжеских усобицах и нападениях «поганых». Однако, эсхатологические апокрифы автор прямо не цитирует. Так что же побудило летописца именно в рассказе о разорении киевских монастырей обратиться к предсказаниям Откровения?

С одной стороны, самое простое объяснение заключается в том, что Откровение не было известно на Руси до конца XI в. Действительно, С. Кросс указывает на запутанность цитаты в статье 1096 г.: ее автор приводит чтение первого славянского перевода неточно, по-видимому, смешивая его с данными первой греческой редакции (в особенности это касается противоречий в количестве племен или колен, изгнанных Гедеоном в Етривскую пустыню). Это дало основание ученому заключить, что русский хронист писал «по памяти» [52, р. 334–338]. Надо сказать, что подобное допущение предполагал и В.М. Истрин [14, с. 144]. Кроме того, сам по себе текст не является близкой цитатой, сопоставимой хотя бы с одним из сохранившихся славянских списков Откровения. Сравнивая его с выдержкой, приводимой в «Повести о битве на Калке», можно убедиться в том, что последняя куда более точная, а это говорит о непосредственном знакомстве книжника с текстом памятника. Вполне вероятно, что, если составитель статьи 1096 г. был знаком с Откровением лишь по памяти, его славянские списки были редкостью и только начали появляться на Руси.

С другой стороны, это не единственное привлечение памятника к летописным известиям конца XI в. А.А. Гиппиус обращает внимание на литературную однородность текстов, повествующих о половецких набегах 1093 и 1096 гг., выявляющуюся не только в прямом указании на «сыновей Измаиловых», но и в использовании ряда мотивов, заимствованных из описания нашествия измаильтян у Псевдо-Мефодия. Это дает исследователю основание указать на зависимость обоих годовых известий от Откровения [6, с. 252–253].

Но и бедствия 1093 и 1096 гг. – не единственные упоминания нашествия измаильтян к концу XI в. на Руси. В статье 1096 г., рассуждая о происхождении половцев, летописец возводит их к потомкам Измаила – незаконнорожденного, нечистого сына Авраама и его наложницы Агари (что дает повод к их второму названию, «агаряне»), к потомкам же Измаила возводятся и другие нечистые народы: печенеги, торки и «тортьмени». Л. Чекин вполне убедительно указывает на то, что последние – тюрки-сельджуки, называемые

«Τουρκομάνοι» византийцами¹⁰, потерпевшими от них сокрушительное поражение в 1071 г. [49, р. 17–18] почти в одно время с разгромом русских князей на Альте. Катастрофическое поражение ромеев при Манцикерте, пленение самого императора Романа IV Диогена, не могло остаться незамеченным русскими [19, с. 80–81]. О том, что на Руси знали о завоевании Малой Азии сельджуками, свидетельствует появившаяся в конце XI в. проложная «Повесть о перенесении мощей Св. Николая Мирликийского в 1087 г.» (далее – «Повесть о перенесении мощей»): «Нашедшим убо измаильтянам судом Божьим и промыслом Вышняго на греческую область обону страну моря. От Корсуня поля начеши даже до Антиохия. И до Иерусалима по всем градам и селам их. Вся люди ту суще исекоша, и жены их, и чада их плениша, имение их и дома огнем пожгоша, церкви же и монастыри опустеша» [40, с. 4–5]. Именно нашествие измаильтян, согласно «Повести о перенесении мощей», побуждает перенести мощи св. Николая из ликийских Мир в итальянский Бари, и в честь этого перенесения устанавливается «ина память» угоднику – 9 мая¹¹. Использование в «Повести о перенесении мощей» довольно определенных датировок («в лета руських князей христолюбивого князя Всеволода в Киеве и благородного сына его Володимера в Чернигове», указание на создание церкви над мощами святого «в третьє лето по перенесении» [40, с. 4, 8]), а также оборотов, свидетельствующих о современности событий их описателю («в нынешние времена, во дни и лета наша»), заставляют согласиться с мнением о том, что «Повесть о перенесении мощей» создана одновременно с установлением самого праздника в конце XI в.¹²

Опубликовавший «Повесть о перенесении мощей» И.А. Шляпкин обратил внимание на описание нашествия исмаилитов «обону страну» моря. Он объясняет использование оборота тем, что тюркские народы напали на греков с двух сторон: половцы и печенеги на греческий Херсонес с одной, а тюрки-сельджуки на Антиохию и Иерусалим – с другой [40, с. 12–13]. Д.Г. Хрусталеv, впрочем, предлагает иную трактовку указанной фразы: под «Корсунь-полем» мог подразумеваться Херсонес Фракийский (Галлиполи), где в 1090/1091 гг. должно было состояться соединение сил сельджуков и печенегов [37, с. 180–181]. Последняя теория кажется более обоснованной, поскольку, таким образом, не возникает противоречия в использовании автором «Повести о перенесении мощей» предлога с указательным местоимением: все события должны были происходить «по ту» сторону моря от их описателя,

¹⁰ Первое известное историографическое употребление этнонима Τουρκομάνοι связано с «Алексиадой» Анны Комнины и относится к началу XII в., при том, что речь идет о событиях второй половины XI в. [77, s. 327].

¹¹ И. Шляпкин довольно убедительно разобрал латинские сказания и русскую повесть, чтобы показать, что последняя имеет независимое происхождение [40, с. 16–19]. Обзор латинских источников о перенесении мощей см.: [39, с. 135–166].

¹² Существующие датировки произведения приходятся на промежуток от 1088 г. до киевского княжения Владимира Мономаха в 1113–1125 гг. [50]. Один из наиболее полных историографических обзоров представлен у Д.Г. Хрусталева. Сам ученый предлагает датировать учреждение праздника и написание «Повести о перенесении мощей» 1092 г. [37, с. 183–184, 229–248, 253–255]. Необходимо также указать на статью А.В. Назаренко, в которой на основе привлеченных греческих документов не только дается датировка «Повести о перенесении мощей» (1091–1093 гг.), но и предлагается ее автор – митрополит Ефрем Переяславский [23].

никак не по обе¹³. А значит сам описатель находился «по эту» сторону моря, т.е. там, где повесть писалась. И не так важно в таком случае происходил ли этот процесс на Руси, как считал сам Шляпкин [40, с. 2], или в Италии, откуда материалы для составления «Повести о перенесении мощей» попали на Русь [23, с. 67–68].

Итак, к концу XI в., Русь сталкивается лицом к лицу с нашествием новых орд степных кочевников, одновременно из-за моря доходят вести о падении под натиском номадов империи ромеев, оплота восточного христианства, от которого и сами русские приняли веру: к концу XI в. турки-сельджуки завоевали почти всю Малую Азию. Вероятно, в этот момент на Руси появляется Откровение, в котором пугающе точно описываются происходящие события: «пленением и мечем» погибнут Эллада и Сирия, и греки «в пленение и бегание будут». Разорение киевских монастырей и наглядное святотатство «сынов Измаиловых», «емлюще иконы, зажигаху двери, и укаряху Бога и законь наш» [26, с. 97]¹⁴ стало последним в ряду мрачных свидетельств Конца времен, заставивших летописца указать на них в статье 1096 г.

Значит, обращение к апокрифу произошло в конце XI в. по совокупности причин, соединению множества разрозненных известий о нашествии кочевых орд на восточно-христианскую ойкумену. Не работал ли тот же механизм и при повторном использовании Откровения в русской летописной истории – сообщении о битве на р. Калке? В таком случае, необходимо проверить возможные источники слухов о монгольской угрозе: могли ли попасть на Русь сведения о военных операциях монголов в первой половине 1220-х гг.?

Время грозных предзнаменований

Весной 1206 г. у истоков р. Онон был собран Великий курултай, на котором Темучин принял титул Чингиз-хана. Этот древний титул, известен ещё со времен Жужаньского каганата, и носили его только великие правители степи. Возложивший титул на Темучина шаман Кокчу (или Теб-Тенгри) возвестил курултаю, что, когда он был в лютый мороз в степи и в горах, с ним говорило Вечное Синее Небо, велевшее передать: «Я отдал все лицо земли Темучину и его детям и нарек его Чингиз-хан» [43, р. 39]. И в «девятиножное» Белое Знамя вселился хранитель, гений рода Чингиза, который поведет его войска к победам и покорит все страны, потому что Вечное Синее Небо так повелело [4, с. 72; 62, р. 217]. Вдохновленные самим Вечным Небом за короткое время монголы покорили тангутов и меркитов, провели первую успешную войну с империей Цзинь, и «Владыка востока», Чингизхан, обратил свой взор на запад. В 1219 г. армия монголов выступила в поход против мусульманского Хорезма. К концу апреля следующего года самое могущественное государство Средней Азии было сокрушено, бежал его правитель, шах Мухаммад. В погоню за шахом были отправлены одни из лучших полководцев Чингиз-хана, Джебе и Субедей, однако, даже когда правитель рухнувшей империи нашел свою смерть на одном из островов Каспийского моря, монголы не остановились и продол-

¹³ О значении предлога «об» в сочетании с винительным падежом и примеры см. [32, с. 465].

¹⁴ Дж. Феннел акцентирует внимание на том, что именно разрушение монастырей было одной из главных причин обратиться к Откровению в летописной статье 1096 г. [58, р. 107].

жили рейд на запад и север – вдоль Каспия, через Кавказ, в Кыпчакские степи, где в итоге и произошло первое столкновение с русскими князьями на Калке.

Среди наиболее ранних мусульманских источников, освещающих монгольские завоевания в Средней Азии, находятся и такие, которые описывают события в эсхатологическом ключе. В труде «Собрание рассказов и светочи преданий» персидский автор Мухаммад Ауфи (ум. в нач. 1230-х), эмигрировавший в результате монгольского нашествия в Индию ко двору Делийского султана Шамс ад-дин Илтутмиша (прав. 1211–1236 гг.), представляет монголов как предтечей народов Гога и Магога [66, р. 358, ref. 61]. В этой работе Ауфи называет Илтутмиша «Наместником Предводителя Правоверных», титулом, который был пожалован последнему халифом Багдада в 1228/1229 г. вместе с пожалованием всех завоеванных султаном территорий. Значит, «Собрание рассказов» Ауфи должно датироваться рубежом 1220–1230-х гг. Именно в это время, в 1228 г., ко двору Илтутмиша прибыл еще один знаменитый персидский историк, Джузджани (ок. 1193 – ?). Джузджани присутствовал на праздничном пиру по случаю вхождения Илтутмиша в семью правоверных мусульманских правителей [67, р. 38]. В собственном произведении, опубликованном много позже, в 1260 г. под названием «Насиры разряды», Джузджани описывает мученическую смерть Гуридского султана Мухаммада под 602 г.х. (1206 г.). С точки зрения историка, именно это событие стало первым из предзнаменований Конца времен, ибо «распахнулись врата крамолы, войны и смуты», и в тот же год «Чингис-хан восстал в землях Чина и Тамгадж и начал войну» [81, р. 935]. Можно предположить, что именно эти сведения повлияли на определение монголов Ауфи как предтечей эсхатологических Гога и Магога.

В связи с монгольскими завоеваниями Средней Азии упоминает под 617 г.х. (1220–1221 гг.) Преставление света и полчища Гога и Магога Ибн аль-Асир (1160–1233). Кроме того, аль-Асир весьма красочно описывает зверства монгольских захватчиков [47, р. 427–431], которые настолько деморализовали население, что один монгольский всадник мог войти в персидскую деревню и начать убивать людей, и никто не стал бы противиться ему [61, р. 85–96]. В описании ужасов террора аль-Асир близок к Ибн аль-Лаббаду (1163–1232), повествующему, как в 1222 г. одна из беженок в Алеппо рассказала, что монголы отняли её двух сыновей и пили их кровь на её глазах. Что важно, аль-Лаббад указывает во вполне эсхатологической манере, что монголы вышли из-за стены Кара-Китай, той, что воздвиг Александр Великий, чтобы заключить Гога и Магога: монголы должны уничтожить весь мир, сделать его пустыней [66, р. 358–359].

Эти слухи, циркулировавшие среди персов и арабов в начале 1230-х гг., попали в Европу вместе с «сарацинским посольством», направленным от «Старца Горы». Матфей Парижский под 1238 г. описывает, как посланники сарацин рассказали королю Франции (а, затем, и Англии) о том, что из далеких северных (или восточных) гор вырвались чудовищные народы, которые питаются человеческой плотью и непревзойденно стреляют из лука, зовут их «тартар», и они уже завоевали и опустошили земли Востока и Великой Венгрии [36, с. 187–189]. Принесенные с востока слухи, как нельзя лучше, иллюстрировали легенду о запертых в северных горах Александром Македонским полчищах Гога и Магога (хотя «сарацины» их так прямо не называют), пересказанную в «Истории Сражений Александра Великого» Квиликино из Сполето и

«Послании аль-Кинди». Надо заметить, что в последнем сочинении его автор объединяет нечестивые народы Гога и Магога с измаилитами, которые должны выйти в последние дни мира за грехи людей: «О том же говорится и в другом писании: “Придут измаилиты и завладеют святилищем Бога”» [36, с. 170, 173]. Если учесть личность предполагаемого автора, а им, вернее всего, был сам адресат письма, поскольку Якуб ибн Исхак ибн Саббах аль-Кинди умер ок. 870 г., то такая отсылка к Псевдо-Мефодию не кажется невероятной. Письмо от «аль-Кинди» предназначалось Теодору из Антиохии. Он был медиком, астрологом и переводчиком императора Фридриха II, не только много путешествовал и обучался на востоке, но сам был из среды сирийских христиан [48, р. 154–155; 35, с. 166–167], той среды, в которой появился оригинальный текст Откровения Псевдо-Мефодия. Тону письма придворного философа вторит тон послания самого императора, отправленного в 1241 г. монархам Европы с целью собрать крестовый поход против монгольских армий Батыея – чудовищ, посланных в наказание христианам за грехи [48, 156].

Однако источники эти поздние по отношению к летописной статье 1223 г. Гога, когда во время Пятого крестового похода новости о сражениях в средней Азии были расценены европейскими крестоносцами как благая весть об армиях пресвитера Иоанна.

Если же возвращаться к мусульманским сведениям, то, несмотря на сообщения аль-Асира о том, что в страны Рума бежали не только жители Судака после его разорения монголами зимой 1222–1223 г., но и русские купцы, и знатные люди после монгольской победы на Калке, нет ничего, что могло бы предполагать обратную связь – распространение на Руси через мусульман слухов о монголах, как о предвестниках Конца Света. Тем более, что русский составитель «Повести о битве на Калке» обращается к эпизоду Откровения Мефодия Патарского, повествующему об измаилитах, а не к легендам о Гоге и Магоге из истории Великого Македонца.

Впрочем, есть еще один ряд источников, которые описывают события, предшествующие Калкской битве. После успешного преследования хорезмшаха монгольский корпус под командованием Джебе и Субедея вторгся на Кавказ, дважды разгромил грузинские войска, обманом прошел Дербентские ворота и оказался в его северных предгорьях. В ряде наиболее ранних армянских источников, повествующих об этой кампании, присутствуют вполне определенные эсхатологические мотивы. Киракос Гандзакецци (ок. 1200–1271), «История Армении» которого – один из важнейших источников по монгольскому завоеванию Кавказа [53, р. 11–13], пишет: «В 669 (1220) году <...> неожиданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришло в Агванк, чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И все, что встречалось им в пути, – людей, скот и вплоть до собак даже – они предавали мечу» [16, с. 137]. Цитируя Евангелие от Матфея (Мф, 24:7–8) историк с горечью указывает, что монголы – это предтечи Антихриста, тот самый Народ стрелков, который должен в конце времен разорить Армению, как это указывал в своем пророчестве Св. Нерсес [16, с. 45, 152]¹⁵.

¹⁵ О пророчестве св. Нерсеса в армянских источниках по отношению к монгольскому нашествию см.: [81, р. 13, note 17].

Младший современник Киракоса, Григор Акнерци (1250–1335)¹⁶ в «Истории народа стрелков» (ок. 1273 г.) не только относит монголов к потомкам Агари, измаилитам, но и придает им родство с Гогом: «Из смеси трех родов: Агари, Кетуры и Исава, под влиянием зла, возник безобразный народ Татар, что означает острый и легкий. Но св. Нерсес называет их остатками родов Агари, смешанными с народами Гога...» [13, с. 3, прим. 4, с. 58]. «Острый и Быстрый» или «Острый и Легкий» – это имена воина-повелителя, который явится с востока в Конце Времен и будет «Острым и легким, и жестоким» (u n l r t l ꝥ ꝥ t l t l u q шu n), как указывается в одной из редакций Видения св. Нерсеса, сохранившейся в рукописи XII в. [80, р. 14–16]. Опубликовавший на русском языке «Историю народа стрелков» К. Патканов, в примечании к цитируемому отрывку приводит параллель из приписки к армянскому переводу Истории Михаила Асори [13, с. 58–59, прим. 3], более известную под названием Колофон о Монголах Вардана Арвелци: «которых [Св. Нерсес] называет легкими и острыми; и, кажется, ученые производят имя татар от этих слов, или же может быть, оно произошло от слов тур и тар, т.е. бей и уноси, как бы та'тар...» [13, с. 58; 5, с. 45–46, прим. 133; ср. англ. пер.: 80, р. 13, note 17]. Однако приписка датируется 1248 г., и нам неизвестно, воспринимался ли в эсхатологическом ключе первый марш туменов Джебе и Субедея через территорию Кавказа. Тем более, невозможно доказать, могли ли такие слухи попасть к киевским книжникам.

Конечно, стоит иметь в виду, что знаменитый учитель и Киракоса Гандзакеци, и Вардана Арвелци, ватопед Ванакан (1181–1251) был знаком с армянской версией Откровения Псевдо-Мефодия: он без сомнения пользовался им при составлении «Книги Вопросов» [56, р. 38–42]. Однако из цитированных выше отрывков видно, что русская отсылка к Откровению намного точнее. Русский книжник не смешивает Откровение с другими апокрифическими произведениями, не путает нашествия загнанных Гедеоном племен в Етревскую пустыню и Гога и Магога, которые должны произойти в разное время. Наконец, русский книжник не называет монголов измаилитами, для него измаилиты – это «безбожные половцы». Единственное, что связывает эсхатологические отрывки из армянских источников с русскими – это определение татар как Торгомян («Таурмяне» в русской «Повести о битве на Калке»), попавшее в Колофон, по-видимому, из самой Хроники Михаила Сирийца [80, р. 18–20]. Однако, этого явно недостаточно, чтобы предположить, что русские были знакомы накануне или сразу после битвы на Калке с армянскими источниками.

Кроме того, новгородский летописец, или его информант, подробно перечисляет народы, покоренные монголами до прихода к «Валу Половечьскому» (М.П. Кучера предполагает, что половцы бежали к останкам поселения эпохи раннего Железного века на правобережье Днепра [18, с. 184]): «Ясы, Обезы, Касоги и Половчъ безбожных множество избиша». Как видно, речь здесь идет только о территориях севернее Кавказского хребта, а значит и получить эти сведения можно было лишь от бежавшего к русским половецкого хана Котяна с «иными князи».

¹⁶ Ранее авторство этого труда приписывалось иноку Магакии или Вардану Арвелце, см.: [46, pp. 271–274]. Именно за авторством Магакии был опубликован перевод текста на русский язык [13].

Но кроме того, что русские могли получить информацию от беженцев, возможны еще два решения поставленной в начале статьи задачи: либо русские «премудрые мужи <...> кто книги разумеет» своим умом предположили, что монголы – предтечи Апокалипсиса, либо источником таких сведений стали монголы, коль скоро нам известно о минимум двух посольствах, которые Джебе и Субедей отправили к русским князьям.

Террор и монгольская дипломатия

Г. Пейнтер и П. Джексон уже указывали на то, что определенную роль в восприятии монголов как вестников Апокалипсиса могли сыграть традиционные монгольские представления о своих предках и о собственном происхождении [79, р. 48–49; 66, р. 359–360; 68, р. 149]. Стоит разобраться в этом подробнее.

Древнейшие тюркские легенды о собственном происхождении содержат два важных компонента, выделяемых Д. Синором: наличие волчьего предка и существование скрытого убежища. При этом в том варианте легенды, который Синор условно обозначает А, это убежище должно представлять из себя значительную по масштабам долину, скрытую среди гор, из которой загнанные туда, но размножившиеся племена тюрков исходят в мир. Так легенда фиксируется в китайских хрониках Чжоу Шу (сост. к 636) и Истории Северных династий (сост. к 659) [87, р. 223–226], а также в тюркских надписях периода Второго тюркского каганата и поздних уйгурских текстах. Д. ДеВиз указывает на важность мифологического комплекса, в который входит не только сакральное место, убежище предков, но и глубоко символическое сокрытие в таком месте, а после – обязательный исход из него в мир, отражающийся во многих легендах народов Внутренней Азии [54, р. 276–277].

Сакральное место в легенде о происхождении монголов фиксирует и Рашид ад-дин (ок. 1247–1318). Согласно его версии, двое мужчин были побеждены тюркскими племенами и вынуждены бежать в закрытую со всех сторон горами долину Эрген Кун. Со временем племя их размножилось, и долина стала им мала, тогда один мужчина из племени, сведущий в металлах, нашел в горах железную руду. Он расплавил руду и, таким образом, всему племени открылся проход в горах, и они смогли выйти в мир [87, р. 246–248]. Эта же легенда об исходе из некоего окруженного горами места находит довольно точное отражение в позднем «Цветнике историй земель востока» знаменитого армянского историка Хетума Патмича (1240-е – 1310-е), более известного в средневековой Европе под именем Гайтона [64, р. 360]. Гайтон приводит легенду, согласно которой Чингиз-хан был бедным кузнецом, иными словами, он был сведущим в металлах, а стал предводителем монголов после божественного видения ему и старейшинам семи монгольских родов. Но что самое важное, именно он, кузнец, вывел монголов из гор по велению Всевышнего [64, р. 148, русский перевод: 17, с. 247]. О том, что Чингиз-хан был кузнецом пишет в комментариях к письму хана Мункэ Людовику IX и Гильом де Рубрук [29, с. 180]. И даже несмотря на то, что легенда о Чингиз-хане – кузнице – не имеет под собой никакой почвы [89, р. 124, note 3], важно отметить, что в её основе лежит древний миф о происхождении монголов.

Кочевая легенда о происхождении из сокрытого места весьма интересным образом столкнулась с иной легендой, общей для оседлых христианских

и мусульманских народов: о запертых среди гор эсхатологических предтечах Конца света [54, р. 287–288; 42, с. 70]. И в мусульманском мире, и у христиан, героем, запирающим нечестивые и страшные апокалиптические народы Гога и Магога, является Александр Македонский. Это находит отражение в мировой традиции «Романа об Александре» и в Коране (18:83–98 и 21:95–96). По крайней мере, в имперский период традиция «Романа об Александре» стала известна и самим монголам [73, р. 563], о чем свидетельствуют четыре отрывка из произведения на монгольском языке (восхождение Александра на гору Сумур, погружение в пучины моря, путешествие в страну мрака и возвращение в Месир), сохранившиеся в рукописи XIV в. Ф. Кливер указывает на множество тюркизмов в монгольском тексте, а также на связь с арабскими и персидскими версиями произведения, что приводит его к выводу о том, что именно тюркская версия стала основой для монгольского перевода [51]. Что касается тюрков Внутренней Азии, то традиция «Романа об Александре» была известна им как минимум с XI столетия [73, р. 563]. Попасть к тюркам она могла двумя путями: через мусульман (арабов и персов) и христиан несторианского толка [83, р. 7–9, 45–47]. Так уже к VII в. было более 20 несторианских епископств восточнее Амударьи [60, р. 67–68]. Покоренные Чингизханом найманы и кераиты по большей части исповедовали христианство [63, р. 30–33; 74, р. 188]. Учитывая происхождение пророчества Псевдо-Мефодия именно из несторианской среды, можно предположить, что тюркам, позднее, монголам, была известна и та часть «Романа об Александре», которая повествует о Запертых народах.

Сложно сказать, в какой именно момент монголы познакомились с легендой о Запертых народах, еще сложнее сказать, когда этот миф был взят на вооружение в военных и политических целях. Однако, тот факт, что монголы им пользовались, не вызывает сомнений.

Одно из первых таких свидетельств в Европе – это сведения анонимного венгерского епископа, почерпнутые на допросе монгольских пленников, и переданные в послании, написанном епископу Парижа Гийому д'Оверн ок. 1239 г. Источник сохранился в анналах Уэверлейского аббатства и в хронике Матфея Парижского. «[Их земля] находится за некими горами и располагается рядом с рекой под названием Егог <...> [откуда] вышли для завоевания мира» [36, с. 403, 404, 406, 408] утверждают два монгольских лазутчика, пойманных на территории Руси и отправленных венгерскому королю. Близкую риторику монголов передает упомянутый выше армянский Колофон 1248 г.: «...у магов они научились искусству колдовства и получили повеление от своих бесов выступить и смело покорять все страны, так как все они даны им богом в наследство, и они выступили и получили их» [5, с. 46]¹⁷. Более того, на тот факт, что и Колофон, и свидетельства венгерского епископа имеют общий источник, указывают сходные детали, вплоть до цифр. Так, сорок три племени были запертыми предками монголов утверждается в Колофоне и сорок два советника есть у Чингиз-хана, итого сорок три вождя вместе с последним, передают монгольские пленники. Автор Колофона, Вардан, был знаком с монголами не понаслышке. Кроме того сведения он мог

¹⁷ Последняя фраза по какой-то причине отсутствует в переводе А.Г. Галстяна, мы приводим её по английскому переводу [80, р. 29].

почерпнуть и от своего близкого друга, Киракоса Гандзакеци, и от их общего учителя, вардапеда Ванакана: оба побывали в монгольском плену в 1236 г. [80, р. 29].

Но есть и более ранние свидетельства о том, что монголы взяли на вооружение евразийскую легенду о Запертых народах. Более полно фраза в Колофоне 1248 г. звучит следующим образом: «Они сперва напали на один небольшой город, прогнали хозяев и разместились там, со временем, собрав вокруг себя своих единоверцев, укрепились, выступили на Персию и захватили там власть. У магов они научились искусству колдовства и получили повеление от своих бесов выступить и смело покорять все страны, так как все они даны им богом в наследство, и они выступили и получили их». Учитывая осведомленность автора колофона о монголах, а также тот факт, что он застал первое монгольское вторжение на Кавказ в 1220–1221 гг., в приведенной цитате должно иметься в виду масштабное и быстрое завоевание Хорезма. Этому сообщению вторит доминиканец Юлиан в письме 1238 г., где указывает, что после завоевания Персии «[Чингизхан] ободренный этим [победой над персами] и считая себя самым сильным на земле, он стал выступать против царств с целью подчинить себе весь мир» [36, с. 377, 393, прим. 15]. Не были ли «маги» Колофона, на самом деле, арабскими и персидскими историками и географами, которых на протяжении столетий волновала легенда о Гоге и Магоге¹⁸? Не они ли указали монголам на соблазнительную идею о том, что весь мир должен им покориться, пусть даже и в Конце времен? Ведь еще ок. 1200 г., по легенде, Текиш, отец хорезмшаха, будучи на смертном одре, предупреждал своих сыновей никогда не враждовать с Кара-Китаем – стеной между цивилизованным миром и дикими народами, стеной Зуль-Карнайна [66, р. 358–359]. Рассказывая о победном походе хорезмшаха против Кара-Китая Джувейни приводит слова Саида Муртазы. На фоне всеобщего ликования мудрец горевал о том, что султан разрушил стену Зуль-Карнайна, за которой «...народ, непреклонный в своей мстительности и ярости и превышающий Яджуджа (Гога) и Маджуджа (Магога) своей численностью и множеством...» [43, р. 347]. В самом деле, даже если отбросить мифологический контекст происхождения монгольского права управлять миром, беспрецедентная по успеху кампания против самого мощного государства центральной Азии не могла не вселить не только веру в успех, но и веру в возможность подчинить весь мир [77, р. 200; 45, р. 63; 70, р. 75].

В 1218 г. «стена Зуль-Карнайна» почти без сопротивления пала под натиском войск Джебэ. Более того, Джебэ не только сокрушил стену в переносном смысле, но спустя всего несколько лет, хитростью прошел и через вполне реальные ворота, по легенде воздвигнутые Александром Великим: Дербентский проход. О том, что именно эти ворота хранят мир от Гога и Магога свидетельствуют многочисленные сирийские, арабские, персидские авторы. Следуя традиции, монголы и сами называли их Тимур Капи, «Железные ворота» [56, р. 106].

Кроме того о том, что монголы восприняли идею о том, что они грозные предвестники Конца света, свидетельствует и их военная тактика, и монгольская дипломатия.

¹⁸ Среди наиболее известных – Ибн Фадлан, Низами Гянджеви, аль-Бируни и пр.: [55, р. 88–106].

Образ «дьявольских всадников» зиждился на «двух ключевых факторах монгольской стратегии: пропаганде и психологической войне» [61, р. 88]. От мусульманского Востока до латинской Европы в самых разных независимых источниках содержатся сведения о зверствах монгольских воинов, приводивших в оцепенение не только мирных жителей, но и воинов. Магистр Рогерий свидетельствует: «Увидел я и убитых, беспрестанно ожидающих смерти, не имеющих возможности протянуть руки к оружию, защитить себя, пойти в безопасное место и даже представить себе его. Чего же больше? Я нашел людей, едва живых от страха» [21, с. 49, 95]. Аль-Асир приводит в своей Хронике рассказы, как в оцепенении пленник монгольского воина ждал, пока последний сходит за мечем, чтобы убить его; один воин на улице Мераги убил сто местных мужчин, и никто в страхе не оказал сопротивления. Сравнивая монголов с Гогом и Магогом, историк пишет, как воины вспарывали утробы беременных женщин и умерщвляли их неродившихся детей [12, с. 11, 21–24]. В данном случае не так важна правдивость заявлений аль-Асира, сколько то, что подобные истории во множестве появлялись во время завоевания Средней Азии и широко распространялись.

В описании жестокостей монгольской армии в целях деморализации противника сходны Фома Сплитский, Плано Карпини и неевропейские авторы. Китайские Мэн-да бей-лу, «Сокровенное сказание» и ряд других восточных свидетельств указывают на тактику использования живого щита из местных жителей при штурмах непокорных городов [61, р. 94–95; 12, с. 25]. Трупы местных жителей были использованы монголами Джебе и Субедея для того, чтобы сделать осадный холм, с которого взбираясь на стены они сражались с защитниками Шемахи в Ширванском ущелье. Монголы не только сокращали свои потери, но и деморализовали защитников, в глазах которых они становились «ненавистным племем сатаны».

Вполне вероятно, что это была последовательная политика по созданию впечатления нечеловеческой жестокости, которая заставляла жертв видеть в монголах сверхлюдей, демонических всадников, появившихся из ниоткуда для покорения всего известного мира [61, р. 95]. Такое впечатление создавалось не только делом, но и словом: постулат о своей божественной миссии и безграничном могуществе монголы распространяли через купцов, шпионов и послов [66, р. 72, note 9].

К запуганному грозными слухами населению городов и стран перед решительными действиями монголы отправляли послов. В сообщении «О Великой Венгрии» (*De facto Ungarnie magne*) доминиканец Рикардус пишет, что в земле заволжских венгров он встретил посланника – предводителя татар, который уверил его, что «народ этот [живущий за землями татар] решил выйти из своей земли, чтобы сразиться со всеми, кто пожелает им сопротивляться, и чтобы опустошить все царства, которые они смогут подчинить» [36, с. 362, 367, 372 прим. 32]. В уже приводившемся письме Юлиан цитирует послание монголов венгерскому королю. Приказной тон письма и то, как отправитель называет себя: «Я, Хан, уполномоченный небесного царя, кому он дал власть на земле возвеличивать мне подчиняющихся и подавлять противоборствующих...» [36, с. 389] не оставляют сомнений в том, что монголы считали себя властителями мира. Подобного же содержания должно было быть и письмо, отправленное монголами императору Священной Римской империи Фридриху II. Сохранил-

ся лишь его фрагмент в пересказе Альберика из монастыря Трех источников, но его достаточно, чтобы представить грозный тон послания: «Царь тартар написал императору Фридриху повеление, дабы позаботился он выбрать себе какую-либо должность при его дворе, чтобы сохранить за собой свою землю» [36, с. 399]. Эти памятники дипломатии, конечно, поздние, относятся к 1230-м гг., однако Джувейни приводит цитату из ярлыка Чингиз-хана, скрепленного алой печатью, который был передан Джебе и Субедеем жителям Нишапура в мае 1220 г.: «все лицо земли от восхода солнца до его заката я [Великое Бескрайнее Небо] отдал тебе [Чингиз-хану]» [43, р. 145]¹⁹. Та же риторика о мировом господстве по Воле Божьей наблюдается и в более позднем письме от хана Мунке Людовику IX: «Существует заповедь вечного Бога: на небе есть один только вечный Бог, над землею есть только единый владыка Чингис-хан, сын Божий, Демугин Хингей» [29, с. 180]. Приведенное письмо завершается следующим пассажем: «...когда же вы выслушаете и поймете заповедь вечного Бога, но не пожелаете внять ей и поверить, <...> и в уповании на это устроите поход против нас, то вечный Бог <...> ведает, что мы знаем и можем» [29, с. 181]. Но близкими по смыслу словами, судя по пересказу Новгородской Первой летописи, завершалось послание от Джебе и Субедея русским князьям перед битвой на Калке: «...а идете противу нас, ть вы поидите, а мы вас не зяли, да всѣмъ Богъ». Целиком монгольские послания, отправленные русским князьям не сохранились, но передаваемый новгородским летописцем тон во многом сходен с отмеченными выше особенностями дипломатики монголов, основанной на идее мирового господства: действуют монголы «Богом пущены» на своих холопов, половцев. Кому, как только не завоевателям мира могут быть холопами вольные орды «поганых сынов измаиловых», в течение полутора сотен лет до этого терроризировавшие русские княжества? «Безбожные сыны измаиловы» никогда не апеллируют к Богу, монголы же напрямую указывают, что они – Его орудие, им принадлежит весь мир. Этот факт вполне мог натолкнуть русского книжника, слушавшего рассказ очевидца событий, на мысль о наступившем Конце света.

Выводы

В 1223 г. к русским князьям прибыли бежавшие от войска Джебе и Субедея половцы, недвусмысленно рассказавшие о военной опасности и целях монголов: «нашу землю днесь отъяли, а ваша заутро взята будет». От половцев русские узнали, что монголы, кроме кыпчаков, уже «попленили» многие страны: «Ясов, Обезов, Касогов». Вскоре прибыли послы и от самих Джебе и Субедея, которые объясняют проводимые военные действия, как и в ряде описанных в статье случаев, волей Бога. Той волей, которую провозгласил на Великом курултае 1206 г. шаман Кокчу, и которая утвердилась после падения «стен» Кара-Китай и истребления монгольских армий из-за нее в мир, крупнейшие государства которого рушатся в кратчайшее время под ударами полководцев Чингиз-хана, хана Вселенной. Русские князья убили участников двух монгольских посольств и выступили в степь, где попали в известную монгольскую ловушку с отступлением и внезапным ударом, так, как за полтора года до это-

¹⁹ О синхронности цитируемого Джувейни документа и эпизода взятия Нишапура в 1220 г. см.: [70, р. 75].

го, по свидетельству Ибн аль-Асира, было разгромлено грузинское войско. Монголы не только разгромили русских, среди которых погибло восемь князей и «бещисла» воинов. Как свидетельствует Ипатьевская летопись, преследуя бегущих, монголы достигли Новгорода Святополча, города, отстоящего всего в нескольких десятках километров от Киева вниз по течению Днепра, и разорили его, выманив «лестью» местный гарнизон [28, стб. 745]. «По горячим следам» после трагического события была составлена «Повесть о битве на Калке», вошедшая в летописную статью 1224 г. в древнейших русских летописях.

Итак, вести о неизвестно откуда взявшихся в предгорьях Кавказа грозных «незнаемых языцех», смертоносным серпом сжавших встретившиеся им народы, самих вольных половцев; риторика монгольских послдов, как вестников Бога, о которой можно составить представление из более точно сохранившихся посланий не покорившимся степным воинам городам и странам; горечь поражения в степной битве и гибель множества русских князей и простых воинов, наконец, разорение днепровского города – все это вместе стало почвой для отождествления монголов не просто с бичом Божиим, но с предвестниками Конца света. При том введение такого сравнения в текст летописи должно было составлять для русского книжника определенную сложность: ведь сами пострадавшие от монголов половцы, их «холопы», уже были столетиями раньше указаны как «безбожные измайльтяне». Возможно поэтому осторожный автор Повести называет монголов не иначе как «мадианитянами», племенами, которые терроризировали Избранный народ Израиля, и, согласно сирийскому оригиналу пророчества Псевдо-Мефодия должны захватить мир в Конце времен [44, р. 18, 39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешковский М.Х. Новгородский летописный свод 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980. М.: Наука, 1981. С. 104–111.
2. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI – XIV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 488 с.
3. Буланин Д.М. Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – пер. пол. XIV вв.). Л.: Наука, 1987. С. 346–348.
4. Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. Берлин, Пг., М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. 176 с.
5. Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII – XIV вв. М.: Наука, 1962. 155 с.
6. Гиппиус А.А. Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб.: «Нестор-История», 2015. С. 251–264.
7. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72
8. Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести Временных лет. I. // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.
9. Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести Временных лет. II. // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.
10. Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом отношении) // Лингвистическое ис-

точниковедение и история русского языка. 2004–2005. М.: Дрвнлехранилище, 2006. С. 114–251.

11. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.) Курс лекций. М.: Аспект-пресс, 2001. 387 С.

12. Золотая орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские источники. М., 2003. 448 с.

13. История монголов инока Магакии, XIII века / пер. и объяснения К.П. Патканова. СПб.: Типография имп. ак. наук, 1871. 106 с.

14. Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М.: Универ. тип., 1897. 546 с.

15. Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и летопись // Известия Отделения Русского языка и Словесности. 1925. № 29. С. 380–382.

16. Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер., пред., комм. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 357 с.

17. Книга странствий / Пер с лат. и ст.-фр., сост., статьи и ком. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. 318 с.

18. Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья, Киев: Наукова думка, 1987. 204 с.

19. Лаушкин А.В. Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4. С. 76–86.

20. Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. М.-Л., 1949. Т. 7. С. 17–51.

21. Магистр Рогерий, Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. А. С. Досаев. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. 304 с.

22. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 268 с.

23. Назаренко А.В. «Никола Вешний»: новое об обстоятельствах установления на Руси памяти святого Николая Мирликийского 9 мая // Церковь в истории России. Сб. 11. М., 2016. С. 56–81.

24. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Насонов А.Н. (ред.). М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 642 с.

25. Пашуто В.Т. Киевская летопись 1238 г. // Исторические записки. 1948. № 26. С. 273–305.

26. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 667 с.

27. Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Яз. рус. культуры, 1997. 733 с.

28. Полное собрание русских летописей. Том. II: Ипатьевская летопись. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 938 стб. + 87 с.

29. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред. и прим. Н.П. Шастина. М.: Географгиз, 1957. 270 с.

30. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. Изд. 2-е. М.: Квадрига, 2014. 265 с.

31. Селарт А. Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 г. // *Rossica Antiqua*. 2011. No. 1. С. 100–113.

32. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 5: Молимь – Обатьнь. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2002. 646 с.

33. Толочко П.П. Русские летописцы X – XIII вв. СПб., 2003. 249 с.

34. Томашівський С. Предтеча Изидора, Петро Акеревич, незнаний митрополит руський (1241–1245) // Записки Чина Св. Василя Великого. 1927. Т. 2. С. 15–313.

35. Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1 (XI – XVI вв.). М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 1989. С. 247–283.
36. Хаутала Р. От 'Давида, царя Индий' до 'ненавистного плебса сатаны'. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.
37. Хрусталеv Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб.: Евразия, 2002. 447 с.
38. Хрусталеv Д.Г. Русь и Монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб.: Евразия, 2013. 412 с.
39. Чоффари Дж. Перенесение мощей святителя Николая в латинских источниках XI в. и в русских рукописях // «Правило веры и образ кротости...». Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 135–163.
40. Шляпкин И. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношения к западным источникам. СПб.: ОЛДП, 1881. 23 с.
41. Эммаусский А.В. Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу // Ученые записки Кировского гос. пед. института. 1958. Т. 1, Вып. 17. С. 59–109.
42. Юрченко А.Г., Аксенов С.В. Христианский мир и Великая монгольская империя. СПб.: Евразия, 2002. 477 с.
43. Ala-ad-Din Ata-Melik Juvaini, Genghis Khan. The History of the World Conqueror, trans. J.A. Boyle. Manchester: University Press, 1997. 763 p.
44. Alexander P.G. The Byzantine Apocalyptic Tradition. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1985. 239 p.
45. Biran M. Chinggis Khan. Oxford: OneWorld, 2007. 182 p.
46. Blake R.P., Frye R.N. History of the Nation of the Archers (The Mongols) by Grigor of Akanc, Hitherto Ascribed to Magakia The Monk: The Armenian Text Edited with an English Translation and Notes // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1949. Vol. 12, No. 3/4 (Dec., 1949). P. 269–399.
47. Browne E.G. A Literary History of Persia. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1956. 568 p.
48. Burnett Ch. An Apocryphal Letter from the Arabic Philosopher al-Kindi to Theodore, Frederick II's Astrologer, Concerning Gog and Magog, the Enclosed Nations, and the Scourge of the Mongols // Viator: Medieval and Renaissance Studies. 1984. No 15. P. 151–167.
49. Chekin L. The Godless Ishmaelites: the image of the steppe in eleventh-thirteenth century Rus' // Russian History. 1992. Vol. 19, No. 1. P. 9–28.
50. Cioffari G. La Leggenda di Kiev: La traslazione delle reliquie di S. Nicola nel racconto di uno annalista russo contemporaneo. Bari, 1980. 164 p.
51. Cleaver C.F. An Early Mongolian Version of The Alexander Romance // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1959. Vol. 22. P. 1–99
52. Cross S.H. The earliest allusion in Slavic literature to the Revelations of Pseudo-Methodius // Speculum. 1929. No 4/3. P. 329–339.
53. Dashdondog B. The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden, Boston: Brill, 2011. 267 p.
54. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. 638 p.
55. DeWeese D. The influence of the Mongols on the religious consciousness of the thirteenth century Europe // Mongolian Studies. 1979. No 5 (1978–79). P. 41–78.
56. Donzel van E.J., Schmidt A.B. Gog and Magog in Early Eastern Christian and Islamic Sources: Sallam's Quest for Alexander's Wall. Leiden, Boston: Brill, 2010. 271 p.

57. Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Russland (1237): und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse*. 1956. Issue 6. S. 126–202.
58. Fennell J. *The Crisis of Medieval Russia, 1200–1304*. Harlow: Longman, 1983. 206 p.
59. Fennell J. *The Tatar Invasion of 1223: Source Problems* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1980. Bd. 27. Berlin, s. 18–31.
60. Foltz R. *Religions of the Silk Road: Premodern Patterns of Globalization*. 2nd ed. New York, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.
61. Gießauf J. A Program of Terror and Cruelty. Aspects of Mongol strategy in the light of Western Sources // *Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged Hungary*. 2008. Vol. 7–8. P. 85–96.
62. Göckenjan H., Sweeney J.R. (tr.) *Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235–1250*. Graz: Styria, 1985. 335 s.
63. Halbertsma T.H.F. *Christian Remains of Inner Mongolia: Discovery, Reconstruction and Appropriation*. Leiden, Boston: Brill, 2008. 356 p.
64. Hayton, *La Flor des Estoires de la Terre d'Orient*, eds. C. Kohler et al. // *Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens*. Vol. II. Paris: Imprimerie Nationale, 1906. p. xxiii–cxlii; 113–259.
65. Holder-Egger O. (ed.), *Balduini Ninovensius Chronicon* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Tomus XXV*. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1880. P. 515–546.
66. Jackson P. *Medieval Christendom encounter with the Alien* // *Historical Research*. Vol. 74, Issue 186. 2002. P. 347–369.
67. Jackson P. *The Delhi Sultanate. A Political and Military History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 367 p.
68. Jackson P. *The Mongols and the West. 1221–1410*. London: Routledge, 2014. 448 p.
69. Jackson P. *The Testimony of the Russian 'Archbishop' Peter concerning the Mongols (1244/5): Precious intelligence or timely disinformation?* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2016. Vol. 26 / 1–2. P. 65–77.
70. Jackson P. *The Mongols and the Islamic World*. New Haven: Yale University Press, 2017. 614 p.
71. Jaffe Ph. (ed.), *Annales et Notae Scheftlarienses* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Tomus XVII*. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1861. P. 334–350.
72. Jusupović A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1269)*, Cracow: Avalon, 2013. 352 s.
73. Kamola S. *History and legend in the Jāmi` al-tawārikh: Abraham, Alexander, and Oghuz Khan* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2015. Vol. 25. Issue 4. P. 555–577.
74. Lane G. *Daily Life in the Mongol Empire*. Westport, London: Greenwood Press, 2006. 312 p.
75. Maiorov A.V. *The Rus archbishop Peter at the First Council of Lyon* // *Journal of the Ecclesiastical History*. 2020. Vol. 71, Issue 1. P. 20–39.
76. Moravcsik Gy. *Bizantinoturcica*. Vol. II. Leiden: Brill, 1983. 376 s.
77. Morgan D. *The Mongols and the Eastern Mediterranean* // B. Arbel, B. Hamilton, and D. Jacoby (eds.), *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204*. London: Franc Cass and Co Ltd, 1989. P. 198–211.
78. Ostrowski D. *The Enclosed peoples of the Revelations of Pseudo-Methodius of Patara in the Povest' vremennyx let* // M.S. Flier, D. J. Birnbaum, and C. M. Vakareliyska (eds.), *Philology Broad and Deep*. In: *Memoriam Horace G. Lunt*. Indiana: Slavica, 2014. P. 215–242.

79. Painter D. G. et al. (eds. and tr.) *The Vinland Map and the Tartar Relation*. New Haven, London: Yale University Press, 1965. 291 p.
80. Pogossian Z. An “Un-known and Unbridled People”: Vardan Arewelc’i’s Colophon on the Mongols // *Journal of the Society for Armenian Studies*. 2014. Vol. 23. P. 7–48.
81. Raverty G. (trans.). *Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*. London, 1881. Vol. 2. 273 p.
82. Richard J. *La Papaute et les missions d’Orient au Moyen Age (XIII–XV siecles)*. Roma: Ecole Francaise de Rome, 1977. 325 p.
83. Ross D. J. A. *Alexander Historiatus. A Guide to Medieval Illustrated Alexander Literature*. Frankfurt am Main: Athenäum, 1988. 145 p.
84. Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the middle of the thirteenth century. Encountering the Other*. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2001. 169 p.
85. Sardelić M. *The Mongols and Europe in the First Half of the 13th Century: Prophecies and Apocalyptic Scenarios* // A.R. Andrews (ed.) *Prophecy, Divination, Apocalypse: 33rd Annual Medieval and Renaissance Forum*, Plymouth State University (April 20–21, 2012). Scotts Valley: CreateSpace Publ., 2013. P. 100–112.
86. Sinor D. *Le rapport du Dominicain Julien écrit en 1238 sur le péril mongol* // *Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2002. Anne 146. No 4. P. 1153–1168.
87. Sinor D. *The legendary origins of the Türks* // E.V. Žygas and P. Voorheis (eds.) *Folklorica: Festschrift for Felix J. Oinas*. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1982. P. 223–257.
88. Szczesniak B. *The mission of Giovanni de Piano Carpini and Benedict the Pole of Vratislavia to Haliez* // *Journal of Ecclesiastical History*. 1956. Vol. 7. Issue 1. P. 12–20.
89. *The Mission of Friar William of Rubruck. His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253–1255* / Ed. P. Jackson. London: The Hakluyt Society, 1990. 312 p.
90. Tognetti G. *Dalla rilettura di alcuni documenti europei sulle relazioni coi Mongoli, 1237–1247* // *Annali dell’Università degli studi di Napoli ‘L’Orientale’*. Rivista del Dipartimento di Studi Asiatici e del Dipartimento di Studi e Ricerche su Africa e Paesi Arabi. 1998. Vol. 58. Issue 3–4. P. 395–408.
91. Waitz G. (ed.). *Gesta Treverorum* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Tomus XXIV*. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1879. P. 368–488.
92. Waitz G. (ed.). *Annales Sancti Medardi Sussionsens* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Tomus XXVI*. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1882. P. 518–522.
93. Waitz G. (ed.). *Ex Annalibus Wintoniensibus, Waverleiensibus, Wigorniensibus, Teokesburiensibus* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Tomus XXVII*. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1885. P. 449–473.

Сведения об авторе: Федор Никитович Веселов – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2445-6497, ResearcherID: B-8730-2015. E-mail: f.veselov@spbu.ru

*Поступила 28.01.2022 Принята к публикации 17.05.2022
Опубликована 29.06.2022*

REFERENCES

1. Aleshkovskiy M.Kh. Novgorod chronicle compilation of the 1220s. *Letopisi i khroniki = Chronicles and Annals*. Moscow, 1981, pp. 104–111. (In Russian)
2. Budovnits I.U. Socio-Political Conception of the Old Rus' (from the eleventh to the fourteenth century). Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. 488 p. (In Russian)
3. Bulanin D.M. The Tale of the Battle on Kalka River. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Bookmen and Booklore of the Old Rus']. Vol. I. Leningrad: Nauka, 1987, pp. 346–48. (In Russian)
4. Vladimirtsov B.Ya. Genghis Khan. Berlin, Petrograd, Moscow: Izd. Z.I. Grzhebina, 1922. 176 p. (In Russian)
5. Galstyan A.G. Armenian Sources on the Mongols. Extracts from Manuscripts of the thirteenth and fourteenth centuries. Moscow: Eastern Literature Publishing, 1962. 155 p. (In Russian)
6. Gippius A.A. Giuriata Rogovich and his role in Rus' eschatology (towards the interpretation of the chronicle entry of 6604). *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Academician A.A. Shakhmatov: Life, Works, Scholarly Heritage (to his 150th birthday anniversary)]. St. Petersburg: Nestor-History, 2015, pp. 251–264. (In Russian)
7. Gippius A.A. Towards the history of the composition of the First Novgorod Chronicle. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik = Novgorod Historical collection*. 1997. Issue 6(16), pp. 3–72. (In Russian)
8. Gippius A.A. Towards the problem of redactions of the Primary Chronicle. P. 1. *Slavyanovedenie = Slavic Studies*. 2007, no. 5, pp. 20–44. (In Russian)
9. Gippius A.A. Towards the problem of redactions of the Primary Chronicle. P. 2. *Slavyanovedenie = Slavic Studies*. 2008, no. 2, pp. 3–24. (In Russian)
10. Gippius A.A. Novgorod Archbishop Chronicle of the twelfth to the fourteenth centuries and its authors (history and structure of the text in a linguistic sense). *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka = Linguistic Source-studies and History of the Russian language*. 2004–5. Moscow: Drevlekhranilische, 2006, pp. 114–251. (In Russian)
11. Danilevskiy I.N. Rus' Lands as viewed by Contemporaries and Descendants (from the twelfth to the fourteenth centuries). Moscow: Aspect-Press, 2001. 387 p. (In Russian)
12. The Golden Horde in Sources. Vol. I. Arabic and Persian sources. Moscow: Nauka, 2003. 448 p. (In Russian)
13. History of the Mongols by monk Maghakia of the thirteenth century. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1871. 106 p. (In Russian)
14. Istrin V.M. The Revelations of Methodius of Patara and Apocryphal Visions of Daniel in Byzantine and Slavonic-Russian Literatures. Moscow: University Press, 1897. 1897. 546 p. (In Russian)
15. Istrin V.M. The Revelations of Methodius of Patara and the Chronicle. *Izvestiya Otdeleniya Russkogo yazyka i Slovesnosti = Proceedings of the Russian Language and Literature Department*. 1925, no 29, pp. 380–382. (In Russian)
16. Kirakos Gandzakeci. History of Armenia. Transl., ed., comm. by L. Khanlaryan. Moscow: Nauka, 1976. 357 p. (In Russian)
17. The book of Travels. Transl., comp., comm. by N. Gorelov. St Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. 318 p. (In Russian)
18. Kuchera M.P. Zmievy Shafts of the middle Dnieper. Kiev: Naukova dumka, 1987. 204 p. (In Russian)
19. Laushkin A.V. Heirs of forefather Ishmael and Bible mosaic in chronicle reports concerning Cumans. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki = Old Rus'*. The Questions of Middle Ages. 2013, no 4, pp. 76–86. (In Russian)

20. Likhachev D.S. Chronicles' entries on Alexander Popovitch. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury IRLI AN SSSR=Proceedings of the Old Russian Literature Department of the Institute of Russian Literature of the Academy of Sciences USSR*. Moscow, Leningrad, 1949. Vol. 7, pp. 17–51. (In Russian)
21. Magister Roger. Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars. Transl. by A. Dosaev. St Petersburg: «Dmitriy Bulanin», 2012. 304 p. (In Russian)
22. Matuzova V.I. English Medieval Sources of the ninth-thirteenth centuries: texts, translations, commentaries. Moscow: Nauka, 1979. 268 p. (In Russian)
23. Nazarenko A.V. 'Vernal Nicolas': new concerning the circumstances of establishment of feast of Nicolas of Myra of Lycia on 9 May. *Tserkov' v istorii Rossii [The Church in Russian History]*. Vol. 11, Moscow, 2016, pp. 56–81. (In Russian)
24. Novgorod First Chronicle according to the Older and Younger Transcripts. Nasonov A.N. (ed.). Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 561 p. (In Russian)
25. Pashuto V.T. Kievan chronicle of 1238. *Istoricheskie zapiski=Historical Transactions*. 1948, no 26, pp. 273–305. (In Russian)
26. Primary Chronicle. Ed., transl., comm. by D.S. Likhachev. 2nd ed. St Petersburg: Nauka, 1996. 667 p. (In Russian)
27. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Laurentian Chronicle. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. 733 p. (In Russian)
28. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2. Hypathian Chronicle. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 938 col. + 87 p. (In Russian)
29. Travels to the Eastern Countries of Plano Karpini and Rubruck. Ed. by N. Shastin. Moscow: Geografiz, 1957. 270 p. (In Russian)
30. Rudakov V.N. Mongol-Tatars as Viewed by Rus' Bookmen of the middle of the thirteenth and the fourteenth century. 2nd ed. Moscow: Quadriga, 2014. 265 p. (In Russian)
31. Selart A. Archbishop Petr and the Council of Lyon of 1245. *Rossica Antiqua*. 2011, no. 1, pp. 100–113. (In Russian)
32. Vocabulary of Old Russian Language (from the eleventh to the fourteenth century). Vol. 5. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2002. 646 p. (In Russian)
33. Tolochko P.P. Russian Chronicles from the tenth to the thirteenth centuries. St. Petersburg: Biblioteka Slavica, 2003. 249 p. (In Russian)
34. Tomashivskiy S. The forerunner of Isidor, Petr Akerovitch, and unknown Rus' metropolitan. *Zapiski China Sv. Vasiliya Velikogo=Proceedings of the Great Basil's Order*. 1927. Vol. 2, pp. 15–313. (In Russian)
35. Uzhankov A.N. 'The "Chronieler of Daniil of Halych": versions, creation time. *Germenevika drevnerusskoy literatury [Hermeneutics of the Old Russian Literature]* Vol. 1. Moscow: Institut mirovoy literatury im. A.M. Gor'kogo RAN, 1989, pp. 247–283. (In Russian)
36. Khautala R. From 'David, the King of Indies' to 'Detestable Plebs of Satan'. *Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 496 p. (In Russian)
37. Khrustalev D.G. Search for Ephraim of Pereiaslavl'. St. Petersburg: Eurasia, 2002. 447 p. (In Russian)
38. Khrustalev D.G. Rus' and the Mongol Invasion (1220–50s). St. Petersburg: Eurasia, 2013. 412 p. (In Russian)
39. Choffari Dzh. The Translation of the Relics of St. Nicolas in Latin sources of the eleventh century and in several Rus' manuscripts. «*Pravilo very i obraz krotosti...*». *Obraz svt. Nikolaya, arkhiepiskopa Mirlikiykogo, v vizantiyskoy i slavyanskoy agiografii, gimnografii i ikonografii* ['Article of Faith and Representation of Lenity...']. Representation of St. Nicolas, Archbishop of Myra of Lycia, in Byzantine and Slavonic Hagiography,

Hymnography, and Iconography]. Moscow: Orthodox St Tikhon Theological Institute Publishing, 2004, pp. 135–163. (In Russian)

40. Shlyapkin I. Russian Lection of the eleventh century of the Translation of the Relics of St. Nicolas the Wonderworker and Its Relations with Western Sources. St. Petersburg: A. Transhel Typography and Chromolithograph, 1881. 23 p. (In Russian)

41. Emmausskiy A.V. Chronicles on the Mongol-Tatar first invasion of Eastern Europe. *Uchenye zapiski Kirovskogo gos. ped. instituta=Collected papers of the Kirov State Pedagogical Institute*. 1958. Vol. 1, Issue 17, pp. 59–109. (In Russian)

42. Yurchenko A.G., Aksenov S.V. The Christian World and the Great Mongol Empire. St. Petersburg: Eurasia, 2002. 477 p. (In Russian)

43. Ala-ad-din Ata-Melik Juvaini. Genghis Khan. The History of the World Conqueror, trans. J.A. Boyle. Manchester: University Press, 1997. 763 p.

44. Alexander P.G. The Byzantine Apocalyptic Tradition. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1985. 239 p.

45. Biran M. Chinggis Khan. Oxford: OneWorld, 2007. 182 p.

46. Blake R.P., Frye R.N. History of the Nation of the Archers (The Mongols) by Grigor of Akanc, Hitherto Ascribed to Magakia The Monk: The Armenian Text Edited with an English Translation and Notes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949. Vol. 12, No. 3/4 (Dec., 1949). P. 269–399.

47. Browne E.G. A Literary History of Persia. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1956. 568 p.

48. Burnett Ch. An Apocryphal Letter from the Arabic Philosopher al-Kindi to Theodore, Frederick II's Astrologer, Concerning Gog and Magog, the Enclosed Nations, and the Scourge of the Mongols. *Viator: Medieval and Renaissance Studies*. 1984, no. 15, pp. 151–16.

49. Chekin L. The Godless Ishmaelites: the image of the steppe in eleventh-thirteenth century Rus'. *Russian History*. 1992. Vol. 19, no. 1. P. 9–28.

50. Cioffari G. La Leggenda di Kiev: La traslazione delle reliquie di S. Nicola nel racconto di uno annalista russo contemporaneo. Bari, 1980. 164 p.

51. Cleaver C.F. An Early Mongolian Version of The Alexander Romance. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1959. Vol. 22. P. 1–99

52. Cross S.H. The earliest allusion in Slavic literature to the Revelations of Pseudo-Methodius. *Speculum*. 1929. No 4/3. P. 329–339.

53. Dashdondog B. The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden, Boston: Brill, 2011. 267 p.

54. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. 638 p.

55. DeWeese D. The influence of the Mongols on the religious consciousness of the thirteenth century Europe. *Mongolian Studies*. 1979. No 5 (1978–79). P. 41–78.

56. Donzel van E.J., Schmidt A.B. Gog and Magog in Early Eastern Christian and Islamic Sources: Sallam's Quest for Alexander's Wall. Leiden, Boston: Brill, 2010. 271 p.

57. Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Russland (1237): und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren. *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse*. 1956. Issue 6. S. 126–202.

58. Fennell J. The Crisis of Medieval Russia, 1200–1304. Harlow: Longman, 1983. 206 p.

59. Fennell J. The Tatar Invasion of 1223: Source Problems. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1980. Bd. 27. Berlin. S. 18–31.

60. Foltz R. Religions of the Silk Road: Premodern Patterns of Globalization. 2nd ed. New York, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

61. Gießauf J. A Program of Terror and Cruelty. Aspects of Mongol strategy in the light of Western Sources. *Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged Hungary*. 2008. Vol. 7–8. P. 85–96.

62. Göckenjan H., Sweeney J.R. (tr.) *Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235–1250*. Gratz: Styria, 1985. 335 s.

63. Halbertsma T.H.F. *Christian Remains of Inner Mongolia: Discovery, Reconstruction and Appropriation*. Leiden, Boston: Brill, 2008. 356 p.

64. Hayton, La Flor des Estoires de la Terre d'Orient, eds. C. Kohler et al. In: *Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens*. Vol. II. Paris: Imprimerie Nationale, 1906. p. XXIII-CXLII; 113–259.

65. Holder-Egger O. (ed.), *Balduini Ninovensis Chronicon. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Tomus XXV. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1880. P. 515–546.

66. Jackson P. Medieval Christendom encounter with the Alien. *Historical Research*. Vol. 74, Issue 186. 2002. P. 347–369.

67. Jackson P. *The Delhi Sultanate. A Political and Military History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 367 p.

68. Jackson P. *The Mongols and the West. 1221–1410*. London: Routledge, 2014. 448 p.

69. Jackson P. The Testimony of the Russian 'Archbishop' Peter concerning the Mongols (1244/5): Precious intelligence or timely disinformation?. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2016. Vol. 26 / 1–2. P. 65–77.

70. Jackson P. *The Mongols and the Islamic World*. New Haven: Yale University Press, 2017. 614 p.

71. Jaffe Ph. (ed.), *Annales et Notae Scheftlarienses. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Tomus XVII. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1861. P. 334–350.

72. Jusupović A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1269)*. Cracow: Avalon, 2013. 352 s.

73. Kamola S. History and legend in the *Jāmi' al-tawārikh*: Abraham, Alexander, and Oghuz Khan. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2015. Vol. 25. Issue 4. P. 555–577.

74. Lane G. *Daily Life in the Mongol Empire*. Westport, London: Greenwood Press, 2006. 312 p.

75. Maiorov A.V. The Rus archbishop Peter at the First Council of Lyon. *Journal of the Ecclesiastical History*. 2020. Vol. 71, Issue 1. P. 20–39.

76. Moravcsik Gy. *Bizantinoturcica*. Vol. II. Leiden: Brill, 1983. 376 s.

77. Morgan D. The Mongols and the Eastern Mediterranean. In: B. Arbel, B. Hamilton, and D. Jacoby (eds.), *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204*. London: Franc Cass and Co Ltd, 1989. P. 198–211.

78. Ostrowski D. The Enclosed peoples of the Revelations of Pseudo-Methodius of Patara in the *Povest' vremennyx let*. In: M.S. Flier, D.J. Birnbaum, and C.M. Vakareliyska (eds.), *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*. Indiana: Slavica, 2014. P. 215–242.

79. Painter D. G. et al. (eds. and tr.) *The Vinland Map and the Tartar Relation*. New Haven, London: Yale University Press, 1965. 291 p.

80. Pogossian Z. An "Un-known and Unbridled People": Vardan Arewelc'i's Colophon on the Mongols. *Journal of the Society for Armenian Studies*. 2014. Vol. 23. P. 7–48.

81. Raverty G. (trans.). *Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*. London, 1881. Vol. 2. 273 p.

82. Richard J. *La Papaute et les missions d'Orient au Moyen Age (XIII–XV siecles)*. Roma: Ecole Francaise de Rome, 1977. 325 p.

83. Ross D. J. A. *Alexander Historiatus. A Guide to Medieval Illustrated Alexander Literature*. Frankfurt am Main: Athenäum, 1988. 145 p.

84. Ruotsala A. Europeans and Mongols in the middle of the thirteenth century. Encountering the Other. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2001. 169 p.
85. Sardelić M. The Mongols and Europe in the First Half of the 13th Century: Prophecies and Apocalyptic Scenarios. In: A.R. Andrews (ed.) *Prophecy, Divination, Apocalypse: 33rd Annual Medieval and Renaissance Forum*, Plymouth State University (April 20–21, 2012). Scotts Valley: CreateSpace Publ., 2013. P. 100–112.
86. Sinor D. Le rapport du Dominicain Julien écrit en 1238 sur le péril mongol. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2002. Anne 146. No 4. P. 1153–1168.
87. Sinor D. The legendary origins of the Türks. In: E.V. Žygas and P. Voorheis (eds.) *Folklorica: Festschrift for Felix J. Oinas*. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1982. P. 223–257.
88. Szczesniak B. The mission of Giovanni de Piano Carpini and Benedict the Pole of Bratislavia to Haliez. *Journal of Ecclesiastical History*. 1956. Vol. 7. Issue 1. P. 12–20.
89. The Mission of Friar William of Rubruck. His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253–1255. Ed. P. Jackson. London: The Hakluyt Society, 1990. 312 p.
90. Tognetti G. Dalla rilettura di alcuni documenti europei sulle relazioni coi Mongoli, 1237–1247. *Annali dell'Università degli studi di Napoli 'L'Orientale'*. Rivista del Dipartimento di Studi Asiatici e del Dipartimento di Studi e Ricerche su Africa e Paesi Arabi. 1998. Vol. 58. Issue 3–4. P. 395–408.
91. Waitz G. (ed.). *Gesta Treverorum. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Tomus XXIV. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1879. P. 368–488.
92. Waitz G. (ed.). *Annales Sancti Medardi Suessionenses. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Tomus XXVI. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1882. P. 518–522.
93. Waitz G. (ed.). *Ex Annalibus Wintoniensibus, Waverleiensibus, Wigorniensibus, Teokesburiensibus. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Tomus XXVII. Hannover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1885. P. 449–473.

About the author: Fedor N. Veselov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Museology, Saint Petersburg State University (7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2445-6497, ResearcherID: B-8730-2015. E-mail: f.veselov@spbu.ru

*Received January 28, 2022 Accepted for publication May 17, 2022
Published June 29, 2022*